УДК 008.372.8

А.В.РЫБЧАК, *канд. филос. наук, доцент, 333rybchak@mail.ru*
Санкт-Петербургский государственный горный университет

A.V.RYBCHAK, *PhD in phil., associate professor, 333rybchak@mail.ru*
Saint Petersburg State Mining University

СЕМИОТИКА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье проанализированы некоторые произведения современных писателей России, Италии, Канады, Норвегии, Англии, Германии. Рассмотрены ситуации главных героев этих произведений. Применён семиотический метод. Вскрыты механизмы и стратегии поведения главных героев современной прозы. Сделан вывод о борьбе двух тенденций (психоделии и абсурда) в современной литературе и иллюзорности как главного качества её главных действующих лиц.

Ключевые слова: современная литература, семиотика, психоделия, абсурд, главный герой.

SEMIOTICS PROTAGONIST IN MODERN PROSE

The article analyzes some of the works of contemporary writers from Russia, Italy, Canada, Norway, England and Germany. We consider the situation of the main characters of these works. Applied semiotic method. Revealed the mechanisms and strategies of the protagonists of modern prose. The conclusion is made that the struggle between two trends (psychedelic and absurdity) in contemporary literature and illusory as the superior quality of its protagonists, is being occurred.

Key words: contemporary literature, semiotics, psychedelia, absurd, protagonist.

Что такое современная литература и – ещё шире – современность? Вопрос глобальный и далеко не праздный, учитывая, что современники могут быть весьма не современными и, наоборот, – актуальность многих древних удивляет. Поэтому критерием отбора репрезентативной группы из числа ныне живущих писателей нам послужит вкус автора данной статьи.

Поразительно, что целый пласт современной литературы обитает как бы между Декартом и де Садом. Связь проходит через феноменологию (ego cogito ergo sum) и особый тип механистической рациональности в стиле «120 дней Содома», где точный расчет преломлен сквозь аффекты действующих лиц. Кстати, сам по себе дискурс либертинажа стал сегодня актуальной темой для прозы, эссеистики и публицистики: например, такова работа норвежца Николая Фробениуса «Каталог Латура, или Лакей Маркиза де Сада» [5]. Подобно «Парфюмеру» Зюскинда, действие «Каталога Латура» происходит во Франции той же эпохи. Аксиологическая разница между двумя книгами состоит в том, что Фробениус в конце повествования совершает более интеллектуальный писательский ход (главный герой мощно рефлексирует, раскаивается и даже наносит себе увечье) и тем самым делает уклон в достоевщину, что само по себе считается в литературном мире признаком высокого стиля. Сюжет прост и возвращает нас к радикально-просветительской проблематике: главный герой Латур был единственным сыном ростовщицы, появившимся в результате насилия над ней со стороны разбойника. Особенностью Латура была неспособность чувствовать физическую боль. Его главной страстью становится модная в те времена патологоанатомия. Кроме анатомических театров Латур работает в публичном доме и некоторое время прислуживает самому де Саду, став членом его семьи – дружной и сентиментальной. Однако механицизм породил моду не только на патологоанатомию, но и на разного рода проекты, планы, каталоги, системы. Ка-

талог Латура представляет собой список должников его матери, которых он планомерно убивает, становясь неким прообразом серийного маньяка. Де Сад и Латур глядятся друг в друга как в кривое зеркало: при всей разнице их жизненных сценариев их связь нерасторжима. В итоге они оба оказываются в одной психиатрической больнице: эпоха либертинизма закончилась и безумные эксперименты больше не в чести – это снова «не норма». Но нравственные мучения самого Латура – это борьба культурно-этической традиции со смелыми новациями. Таким образом, Латур это alter ego де Сада: если Маркиз страдает от внешних тюрем и ограничений, то Латур не может убежать из своей внутренней тюрьмы, ответить себе на ключевые вопросы и найти себя в море экспериментов. Книга Фробениуса – это очередная попытка понять, что такое либертинаж, и если человек – это машина (вопрос актуальный не только в эпоху Ламетри, но и во времена генной инженерии), то что с ней делать?

Эту же эпоху, но в более широком европейском контексте рассматривает роман «Остров накануне» Умберто Эко [6]: атмосферу XVII века там воссоздают, с одной стороны, новая, либертинистская картина мира (приём – ретроспекция и погружение в прошлое главного героя), а с другой стороны – космологические споры и экзегетика. Интрига разворачивается вокруг поиска прибора (способа) определения координат в мировом океане по долготам: за него борются все мировые державы того времени – Англия, Голландия, Франция, Италия, Испания, Португалия. Французские спецслужбы отправляют некоего Роберта де Ла Грива за новейшим судоводительским ноу-хау, открывающим доступ к новым землям, но тот терпит кораблекрушение. Сидя на необитаемом острове, Роберт вспоминает самые яркие моменты своей жизни, а также доживает эту жизнь в некоем виртуальном измерении. И здесь мы подходим к самому главному (имплицитному) тезису романа, который можно было бы назвать его философией времени. Обращаю внимание на то, что данный тезис нигде не провозглашается прямо.

Бросается в глаза схематичность романа: в нём ровно 40 глав. Так вот flashback Эко применяет с первой до конца двадцатой главы: это пространство он отводит под воспоминание Роберта де Ла Грива, т.е. под его прошлое – описывается не только предыстория исходного его положения, но и механистически-либертинистская парадигма в целом, приводятся образцы новоевропейского рационализма. С начала двадцать первой главы по конец двадцать девятой главы Эко погружает своего Роберта из его прошлого (а также разнообразных воспоминаний и предисловий) в настоящее, где он дискутирует с иезуитом Каспаром Вандердросселем на теологические темы (в частности, космологические и географические). Таким образом, сюда попадает вторая «герменевтическая» часть произведения, дающая нам возможность ощутить нюансы смены картин мира. И действительно, эпоха «центризмов» закончилась: канул в Лету античный космоцентризм с поиском субстанции, завершился средневековый теоцентризм с 12-вековым богопознанием, прошмыгнул и возрожденческий антропоцентризм с культом всего человеческого. Новоевропейская доктрина вообще отказалась от идеи Центра. Символично, что догматичный иезуит сгинул в морской бездне, погубленный не столько неверными инженерными расчётами, сколько приверженностью к докоперникианской формации. Характерно также, что и сам Роберт, носитель новых взглядов, оказывается весьма ограниченным в свободе мысли и действия… Однако самое интересное с точки зрения философии времени происходит в книге Эко в последней части рассматриваемого произведения: с тридцатой по сороковую главу, где Роберт погружается в мир своих фантазий и создаёт роман про своего воображаемого брата Ферранта. Итак, о чём же нам говорит такая структура «Острова накануне»? Прежде всего, о том, что следует переоценить онтологический статус будущего времени. Прошлое – незыблемо: на нём основаны культурно-исторические мифы и личная история каждого человека (вспомним, к примеру, «Заводной апельсин», где даже после «лечения» от своих пороков главный герой преследуем своим прошлым). Настоящее время – это самоочевидная реальность, актуализируемая в вечно ускользающем мгнове-

нии, в котором мы мыслим и действуем. Но в каком смысле мы можем говорить о будущем? Понимать ли его как совокупность намерений, возможностей и детерминант? Но разве будущее инвариантно? И можем ли мы в таком случае опереться на эту разветвляющуюся бесконечность возможных сценариев как на нечто существующее? Поэтому Эко вполне справедливо заменяет фантом под названием «будущее время» на какое-то другое, название которому он сам не даёт, но я бы назвал его «воображаемым временем». Почему «воображаемым»? Как уже было сказано, Эко его не называет, но демонстрирует в разбираемом нами романе с тридцатой по сороковую главу, где главный герой погружается в мир своих гештальтов, интенций, фантазий, мечтаний, научного и художественного творчества, проживая, таким образом, в этом «виртуальном» измерении ещё одну, вполне полноценную, жизнь. Итак, Эко предлагает следующую временну́ю конструкцию: вместо прошлого, настоящего, будущего времени – прошлое, настоящее, воображаемое. Возьму на себя смелость утверждать, что именно в этом главный message произведения «Остров накануне». Совершенно очевидно, что здесь имеет место вовсе не рутинное чередование ретроспективных и перспективных планов или манипуляции фабульным и дискурсивным временем, а чётко выраженная конструкция, которую можно отнести к философии времени.

Итак, вернёмся к центральной проблеме: кто такой главный герой современной прозы? Если индуктивно рассмотреть романы Владимира Сорокина («Голубое сало»), Виктора Пелевина («Чапаев и Пустота», «Generation P», «Омон Ра»), Тибора Фишера («Философы с большой дороги»), Николая Фробениуса («Каталог Латура»), Яна Мартела («Жизнь Пи»), Умберто Эко («Остров накануне», «Маятник Фуко», «Таинственное пламя царицы Лоаны»), то в качестве основного действующего персонажа мы увидим практически одно лицо: это человек, у которого есть Проблема (отсюда – экзистенциальная тревога и невозможность счастливого финала), которую он пытается решить рационально. Однако практически всегда это рациональность особого типа – сильно искажённая: причём это искажение не картезианское, герой не сомневается в своей онтологичности, но само его сознание чем-то искажено – оно галлюцинирует. Такая иллюзорность возникает либо под воздействием суррогатов (как, например, у героев Пелевина [2]) или аффектов (Фишер, Фробениус), либо под напором внешних обстоятельств – например, болезни, голода, безысходности и тому подобного (Эко, Мартел [1]). Наименее однозначными в этом отношении являются труды Сорокина [4], но это лишь подтверждает мою теорию борьбы психоделической и абсурдной стратегий в искусстве [3]. Данный тренд стал настолько силён, что проник и в «жёлтую» литературу: вспомним, что даже такой чисто коммерческий проект, как «Януш Вишневский» начинался с креативного продукта «Одиночество в сети», где все интенции главного героя (двух героев) преломляются через Интернет и воспоминания. Таким образом, сегодняшняя проза проблематизирует понятие реального, декларирует его неактуальность. Реалии часто путаются с иллюзиями, а иногда и вовсе замещаются ими – именно это и становится самым интересным в современной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мартел Я.* Жизнь Пи. София, 2004.
2. *Пелевин В.О.* Чапаев и Пустота. М., 2003.
3. *Рыбчак А.В.* Суррогаты и авангард: психоделия или абсурд? // Горизонты культуры: от массовой до элитарной: Материалы IX Международной конференции. СПб., 2008. С.235-242.
4. *Сорокин В.Г.* Голубое сало. М., 2002.
5. *Фробениус Н.* Каталог Латура, или Лакей Маркиза де Сада. М., 2004.
6. *Эко У.* Остров накануне. СПб., 2004.

REFERENCES

1. *Martel Y.* Life of Pi. Sophia, 2004.
2. *Pelevin V.O.* Chapaev and Pustota. Moscow, 2003.
3. *Rybchak A.V* Surrogates and avantgarde: psychedelia or absurdity? // Culture horizons: from mass to the elite: Materials of IX international conference. Saint Petersburg, 2008. P.235-242.
4. *Sorokin V.G.* Blue bacon. Moscow, 2002.
5. *Frobenius N.* Latours katalog. Moscow, 2004.
6. *Eco U.* The Island of the Day Before. Saint Petersburg, 2004.